

Федоренко Ольга Борисовна
Криворожский специальный колледж
Государственного университета экономики и технологий
e-mail: olgafedorenko7@gmail.com

СИЛА УКРАИНСКОГО КАЗАЦКОГО ЮМОРА В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ XX СТОЛЕТИЯ

Аннотация. Сила юмора казаков обусловлена историческими обстоятельствами, в которых жили воины-характерники, а для писателей – это путь познания украинского народа, который умеет улыбаться, преодолевая любые трудности, выдержит самые тяжелые испытания, потому что улыбка и юмор становятся хорошими помощниками тому, кто ответственно относится к будущему.

Ключевые слова: казак-характерник, герой, исторический роман, художественные средства, жанр.

Olga Fedorenko
Kryvyi Rih Professional College University of State
University Economics and Technology
e-mail: olgafedorenko7@gmail.com

THE POWER OF UKRAINIAN COSSACK HUMOR IN THE HISTORICAL NOVEL OF THE XX CENTURY

Abstract. The strength of Cossack humor is due to the historical circumstances in which the warriors lived, and for writers it is a way of knowing the Ukrainian people, who can smile, overcome any difficulties, withstand the hardest tests, because smile and humor become good helpers to those who are responsible to the future.

Keywords: outstanding Cossack, hero, historical novel, artistic means, genre.

Козаки-характерники могли входить в особе психофизичеcкое состояние «расширенного» восприятия вселенной («сверхвосприятие») [13, с. 5, 202]. Благодаря этому украинские воины проявляли чрезвычайную духовную силу – недюжинную выдержку в походах, редкую смелость в битвах и невероятное мужество при пытках, преодолевая со смехом мучения и смерть [10, с. 169]. Свидетельства о непобедимых украинских героях – казаках-характерниках – увлекали людей, вызвали желание сделать что-то весомое в жизни, а писателей вдохновляли на создание колоритных художественных образов-персонажей.

Необычно в отношении канона исторического романа совмещены реальность с фантастикой в романе «Козацкому роду нет перевода, или Мамай и Чужая

Молодица» (1958) Александра Ильченко. Каждую главу-«песню» писатель насытил фольклорной поэтикой, народным юмором и одновременно – построил по образцу приключенческой, а также бессюжетной лирической прозы и даже современной беллетристики, откровенно выражая присутствие автора в повествовании [9, с. 274]. Читая роман А. Ильченко, сразу погружаешься в его сказочный художественный мир и восхищаешься фантастическими приключениями персонажей, речь которых пересыпана жемчужинами украинского народного юмора.

Чувством юмора автор обособил Мамай среди других персонажей произведения – казак «с перцем» выражает собственное мнение [4, с. 64]. Незаурядный юмор казака Мамай даже позволяет другим персонажам приписать этому характернику сверхчеловеческую природу. Так, Роксолана Купа-Стародупская предположила, что казак Мамай что-то сделал ее мужу, чтобы пошутить над уважаемым паном, потому что на это способны запорожцы-характерники, проклятые колдуньи [4, с. 59]. Животворную силу украинского народа А. Ильченко показал на примере казака Мамай. В «пограничных» ситуациях между жизнью и смертью юмор каждый раз спасает ему жизнь («Казацкому роду нет перевода...») [4, с. 133–138].

Ю. Мушкетик наделил героя романа «Погоня» незаурядным юмором как составляющей его образа жизни – казак-характерник шутит ежедневно и порой переусердствует, что потом жалеет о своих проделках [8, с. 32]. Соответственно жанру авантюрного романа автор показал способность казака смеяться над собой и в сверхсложных обстоятельствах, например, когда он остался без самого дорогого – коня: «Чортів циган! <...> отако одушив, та ще кого, мене! Білокобилку, січового характерника, бувальця, який сам кому хоч натре в ніс перцю, кого хочеш обведе довкруг пальця, поже там, де не сіяв» [8, с. 74]. Смех спасает Белокобылку от отчаяния и придает силы продолжить путь и выполнить задачу-миссию спасения запорожцев.

Сверхчеловеческую силу смеха Северина Наливайко И. Ле изобразил в экстремальных ситуациях. Например, в одном бою герой мгновенно анализирует положение, находит действенный способ защиты от нападающих и ведет за собой побратимов, старших по возрасту и социальному статусу. Полковник Ничипир вспоминает и с восхищением рассказывает о Наливайко: «Як він рубався, клятий юнак! І головне – сміється. Досі, в поході я не бачив його веселим, а тут регочеться і рубається». В этом сражении Наливайко спас жизнь всем казакам, и татары прозвали его «шайтан» [6, с. 59–60].

Как пишет И. Ле, в другом сражении Наливайко передает дух борьбы своему побратиму Карпу Богуну, который, увидев характерную улыбку предводителя, почувствовал, что его морозит от ее страшного вида, – и сам неистово бросился на врага. Почувствовав надежную защиту справа, Наливайко смог проявить свои военные способности в полной мере – «без промаху разив ошелешених жовнірів, перекидаючи шаблю з одної руки в другу» [6, с. 313].

Художественным средством метафоры И. Ле привлекает внимание к внешности Наливайко в бою: «Сама смерть не сміялася страшніше, пожираючи свої приречені на загибель жертви» [6, с. 313]. Метафорой, усиленной сравнением, автор передал чувство испуга польского офицера Униховского от выражения ярости на лице Наливайко: «Його посмішка, як страховище пекельне, посилала холод під теплий одяг полковника» [6, с. 270].

Создавая роман «Северин Наливайко», Н. Винграновский мастерски задействовал колоритный украинский фольклор, прежде всего характерный народный юмор, удачно и необычно соединив средства причудливости – условно-субъективную манеру повествования и лирическое очеловечивание окружающего мира [11, с. 245, 252–256]. Поэтому Северин Наливайко Н. Винграновского расширил жанрово-стилевые горизонты современной украинской романистики.

Следует заметить, что роман начинается достаточно напряженно. Лагерь украинского гетмана Наливайко оказался против войск польского гетмана Станислава Жолкевского и с другой стороны – против орды хана Гази-Гирея. Уже в первом предложении романа указав дату этих событий (1595 год), писатель настраивает на восприятие достоверных исторических фактов. Однако следующий эпизод-экскурс (сватовство Северина к Гале на Рождество) больше напоминает сказочное приключение: Наливайко и его сватам пришлось искать дом Гали в заснеженном Гусятине, а затем копать к нему. Роман украшают и юмористические эпизоды. Так, во время сватовства к Гале неожиданно прозвучало признание жениха Наливайко, что его коня зовут Сват [1, с. 226].

Прежде всего образ героя Северина Наливайко романист изобразил в соответствии с современной традицией. И не столько в историческом ракурсе, как в романтическом и авантюрно-приключенческом духе. Например, неожиданно автор изобразил казацкого гетмана Наливайко, коронованным как китайского императора, к тому же – верхом на верблюде по имени Мессия [1, с. 378–379]. Необычным приключением Наливайко было и то, что водой он добрался в гробу прямо к крымскому хану в Очаков. Этот выдуманный Н. Винграновским эпизод воспринимается тем более неправдоподобно из-за того, что тяжело больной казацкий гетман Наливайко и раненый (в бою с казаками-запорожцами) крымский хан Гази-Гирей нашли общий язык, говорили дни на пролет – и когда лучшие врачи излечили Наливайко, хан отпустил его и казаков с подарками [1, с. 447–457, 469–471].

Герой романа «Я, Богдан» иронизирует над его характерничеством. Особенно ярко автор показал это в эпизоде, когда Хмельницкий с юмором рассказывает казакам о своей чрезвычайной меткости и бегстве из турецкой неволи. Богдан говорит, что попал из пушки в комара, который сидел на шпилье самой высокой мечети и беззаботно чесал правой лапкой за левым ухом. Причем попал так, что пуля пролетела комарику сквозь оба глаза, и он полуживой упал на землю. Пока комар

не пришел в себя, Хмельницкий схватил его и принес султану. Удивленный повелитель похвалил, озолотил и отпустил Богдана [3, с. 159].

В народной памяти наиболее выдающимся казаком-характерником остался непобедимый и непредсказуемый кошевой атаман Иван Дмитриевич Сирко [12]. Значительное внимание этому казацкому лидеру уделили и украинские романисты. Например, Ю. Мушкетик использует языково-поэтические средства, изображая Ивана Сирко как выразителя украинского народного юмора. Так, средствами эпитетов художник изображает искреннюю, почти детскую улыбку атамана, цвет его светло-карих, лучистых, с зеленым блеском глаз. А средством метафоры писатель говорит, что когда Сирко смеется, то «улыбаются» и его глаза, и брови, при чем его левая брова поднимается вверх, а правая – вниз [7, с. 195].

Ю. Мушкетик не отходит от документальной правды о том, что запорожский лидер Иван Сирко ценил веселое общество, громкое застолье, хорошее и взвешенное слово. Так, в романе «Яса» художник рассказывает, что Сирко хохотал вместе с казаками, и смех вожака был лучший по всей Украине – «Витирав кулаками сльози в очах і похлинався сміхом» [7, с. 189]. Сила юмора Сирко обусловлена историческими обстоятельствами, в которых жил кошевой атаман, а для писателя – это путь познания украинского народа, который умеет улыбаться, преодолевая любые трудности, выдержит самые тяжелые испытания, потому что улыбка и юмор становятся хорошими помощниками тому, кто ответственно относится к будущему.

Соответственно поэтике центробежного жанра, образ героя романа «Иван Сирко» создал и В. Кулаковский. Художник отметил незаурядный авторитет тогда еще сотника Сирко и полное доверие к нему казаков. Даже в самые трудные минуты казаки спокойно ждут решения Сирко. И это несмотря на то, что внешне кажется, будто атаман даже не думает о дальнейших действиях – несмотря на татарские угрозы, улыбается и спокойно курит трубку. Такую углубленность в себя Ивана Сирко автор подал похожее на медитацию известное из фольклора казака Мамаю. Поэтому неожиданным решением-прозрением Сирко спасает сотню казаков, окруженную татарами – он предлагает использовать погодные условия для побега [5, с. 58–59].

В романе «Иван Сирко» В. Кулаковский показал способность кошевого атамана юмором поднять боевой дух казаков. Так, услышав известие-предупреждение испуганных пленных о том, что в войске хана сорок тысяч татар, Сирко с улыбкой отвечает: «– Сорок то й сорок! <...> Треба бити вже, скільки є...» [5, с. 123]. Еще не раз казаки воюют против гораздо более многочисленного войска – и побеждают благодаря изобретательности атамана. И на сомнения сообщника боярина Косагова накануне боя по поводу малого количества казаков, Сирко говорит, что

они и на этот раз «выкрутятся» [5, с. 173]. В этом эпизоде В. Кулаковский придерживался исторической концепции Д. Яворницкого, отмечавшего самоотверженную храбрость и удивительную изобретательность атамана. На войне Сирко мог с десятком казаков разбить сотню врагов, а с сотней отчаянных воинов – победить тысячу нападающих [14, с. 22].

В последней (XVI) главе романа «Чистое поле», подав собственную стихотворную версию известного из фольклора письма запорожцев турецкому султану, Л. Горлач средством метафоры раскрывает незаурядный юмор кошевого:

І вростав Сірко у серце Січі,
над триклятим лихом сміючись [2, с. 230].

Итак, писатели второй половины XX века по-новому осмысливают образ казака-характерника, опираясь, в частности, на традиции народно-смеховой культуры, утверждают идею нравственного возрождения украинского общества.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Вінграновський, М. С. Вибрані твори / М. С. Вінграновський ; передм. Л. М. Талалая. – К. : Дніпро, 2004. – 832 с.
2. Горлач, Л. Н. Чисте поле : історичний роман у віршах / Л. Н. Горлач. – К. : Радянський письменник, 1990. – 236 с.
3. Загребельний, П. А. Я, Богдан (Сповідь у славі) : роман (початок) / П. А. Загребельний. – К. : Дніпро, 1984. – 287 с.
4. Ільченко, О. Є. Твори. У 2 т. Т. 1. Козацькому роду нема переводу, або ж Мамай і Чужа Молодиця : роман. / О. Є. Ільченко ; передм. М. Логвиненка. – К. : Дніпро, 1979. – 693 с.
5. Кулаковський, В. М. Іван Сірко : роман / В. М. Кулаковський. – К. : Молодь, 1992. – 320 с.
6. Ле І. Твори. У 7 т. Т. 4. Наливайко : історичний роман / І. Ле. – К. : Дніпро, 1969. – 455 с.
7. Мушкетик, Ю. М. Яса : роман / Ю. Мушкетик ; післямова В. Смоля. – К. : Рад. письменник, 1987. – 597 с.
8. Мушкетик, Ю. Погоня : роман ; Прийдімо, вклонімося... : роман / Ю. Мушкетик. – К. : Український Центр духовної культури, 1997. – 440 с.
9. Оскоцкий, В. Д. Роман и история. (Традиции и новаторство советского исторического романа) / В. Д. Оскоцкий. – М. : Худож. лит., 1980. – 284 с.
10. Попович, М. В. Нарис історії культури України / М. Попович. – К. : АртЕк, 1999. – 728 с.
11. Ромащенко, Л. І. Жанрово-стильовий розвиток сучасної української історичної прози : Основні напрями художнього руху / Л. І. Ромащенко. – Черкаси : Вид-во Черкаського державного університету ім. Б. Хмельницького, 2003. – 388 с.
12. Федоренко, Д. Кошовий лицарів чубатих. Іван Дмитрович Сірко в українській етнопедагогіці, фольклорі та етнології : нетрадиційний навчально-виховний посібник / Д. Федоренко. – Кривий Ріг : Видавничий дім, 1999. – 144 с.
13. Чумаченко, В. А. Шлях у невимовне : зб. матеріалів з проблем сучасної езотерики / В. А. Чумаченко. – Кривий Ріг : ПП «Видавничий дім», 2000. – 208 с.
14. Яворницький, Д. І. Іван Дмитрович Сірко, славний кошовий отаман війська запорозьких низових козаків / Д. І. Яворницький ; пер. з рос. В. Л. Чуйка ; передм., коментарі та прим. Г. Я. Сергієнка. – Дніпропетровськ: Промінь, 1990. – 190 с.